

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
 доктор юридических наук, профессор, декан факультета
 профессиональной переподготовки Московского института
 профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
 ORCID 0000-0001-7731-724X, <https://ludmilagru.academia.edu/research>,
 e-mail: ludmilagr@mail.ru

РАННИЕ ФОРМЫ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПРОТОКОНСТИТУЦИОННЫЕ АКТЫ. ЧАСТЬ 3. ПРОЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ АКТОВ ДЕКАБРИСТОВ

Аннотация. В статье рассматривается «Русская правда» П.И. Пестеля как один из проектов конституционного переустройства России первой четверти XIX в. Обосновывается, что данный документ не являлся конституцией в формально-юридическом смысле, поскольку не был принят, не вступил в силу, не был завершен в полном объеме и одновременно мыслился как наказ Временному верховному правлению переходного периода. Вместе с тем, по предмету регулирования, системности, целям и юридической функции «Русская правда» фактически представляла собой проект основного закона будущего российского государства. Особое внимание уделяется научным подходам к оценке «Русской правды»: советской историко-революционной школе, либерально-критической традиции, юридино-конституционному подходу, текстологической школе, сравнительно-правовой интерпретации и современной критике авторитарно-унификационных элементов проекта. Делается вывод, что «Русская правда» является не просто программным документом декабризма, а протоконституционным актом радикального типа, предвосхитившим последующие дискуссии о форме правления, народном суверенитете, правах граждан, единстве государства и пределах революционной власти.

Ключевые слова: П. И. Пестель, «Русская правда», декабристы, Южное общество, конституционализм, протоконституционный акт, народный суверенитет, права граждан.

Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru/>.

GRUDTSYNA Ludmila Yuryevna,
 Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional
 Retraining of the Moscow Institute of Vocational Education named
 after K.D. Ushinsky

EARLY FORMS OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: PROTO-CONSTITUTIONAL ACTS. PART 3. DRAFT CONSTITUTIONAL ACTS OF THE DECEMBRISTS

Annotation. The article examines P. I. Pestel's "Russkaya Pravda" as one of the most radical and conceptually developed projects of constitutional transformation in Russia in the first quarter of the nineteenth century. It is argued that this document was not a constitution in the formal legal sense, since it was not adopted, did not enter into force, was not fully completed, and was also conceived as an instruction to the Provisional Supreme Government for a transitional period. At the same time, in terms of its subject matter, systematic nature, purposes and legal function, "Russkaya Pravda" was in fact a draft fundamental law of the future Russian state. Particular attention is paid to scholarly approaches to the assessment of "Russkaya Pravda": the Soviet historical-revolutionary school, the liberal-critical tradition, the legal-constitutional approach, the textual school, the comparative legal interpretation and contemporary criticism of the authoritarian and unifying elements of the project. The article concludes that "Russkaya Pravda" is not merely a programmatic document of Decembrism,

but a proto-constitutional act of a radical type, anticipating subsequent debates on the form of government, popular sovereignty, citizens' rights, state unity and the limits of revolutionary power.

Key words: *P. I. Pestel, Russkaya Pravda, Decembrists, Southern Society, constitutionalism, proto-constitutional act, popular sovereignty, civil rights.*

«Русская правда» П.И. Пестеля занимает важное место в истории российского дореволюционного конституционализма. В отличие от правительственных проектов начала XIX в., прежде всего, «Введения к уложению государственных законов» М.М. Сперанского 1809 г., она не стремилась рационализировать самодержавие, а исходила из необходимости его радикальной ликвидации. В отличие от «Конституции» Н.М. Муравьева, допускавшей конституционно-монархическую модель, проект Пестеля был последовательно республиканским, унитарным и революционно-преобразовательным.

Полное название документа раскрывает его юридическую амбицию: «Русская правда, или Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного Верховного правления» [1]. Уже эта формула показывает двойственную природу текста: он одновременно мыслится как «государственная грамота» будущего строя и как «наказ» переходной власти.

В научной литературе «Русская правда» оценивается неодинаково. Одни авторы видят в ней прежде всего революционную программу Южного общества декабристов [4, с. 103–127], другие - наиболее радикальный конституционный проект декабризма [7, с. 41–86], третьи - опасную модель революционного централизма, соединяющую освобождение с диктаторским переходным механизмом [5, с. 55–79]. Современные юридические исследования, в частности работа Н.Д. Денисовой, прямо квалифицируют «Русскую правду» как конституционный проект П.И. Пестеля [11, с. 3–8].

Квалификация «Русской правды» требует отказа от упрощённой альтернативы: либо конституция, либо политическая декларация. Документ Пестеля был сложнее. Он не был принят государством, не был опубликован как обязательный основной закон, не вступил в силу и не был завершён в полном объёме. Вместе с тем он не сводился к лозунгам или общим политическим пожеланиям. Согласно исследовательской традиции, П.И. Пестель предполагал разработать десять глав «Русской правды», однако полностью или относительно полно были подготовлены первые пять: о земельном пространстве, о племенах, населяющих Россию, о сословиях, о народе в по-

литическом отношении и о народе в гражданском отношении [2, с. 221–224]. Неполнота текста является существенной, но она не отменяет конституционной направленности проекта.

Конституционный характер документа определяется прежде всего его предметом. Пестель рассматривал форму правления, территориальное устройство, ликвидацию сословий, отмену крепостного права, права граждан, систему верховных органов, механизм переходного правления и земельные основания будущего государства. Такой круг вопросов типичен не для обычной программы партии или тайного общества, а для проекта основного закона. Особенность «Русской правды» состоит в соединении двух функций. Первая - учредительная: документ задавал основы будущего государственного строя. Вторая — переходная: он должен был служить наказом Временному верховному правлению, которому Пестель отводил роль чрезвычайной власти после революционного переворота [1; 3]. Именно поэтому «Русскую правду» корректно определять как конституционный проект с переходно-революционной функцией.

Для признания «Русской правды» проектом конституции необходимо выделить юридические критерии, а не ограничиваться политической оценкой декабризма.

Первый критерий - предмет регулирования. «Русская правда» охватывает основы государственного и общественного строя: форму правления, систему органов власти, территорию, гражданское состояние, сословия, землю, права граждан и национальный вопрос. Это именно конституционный предмет.

Второй критерий - учредительный характер. Проект не предлагал частичную модернизацию самодержавия, а предполагал создание нового государства после ликвидации монархии. В этом смысле документ выполнял функцию учредительного акта.

Третий критерий - определение источника и организации власти. В проекте формулировалась республиканская модель, предполагавшая Народное вече, Державную думу и Верховный собор [3]. Эти институты образовывали систему высших органов будущей республики.

Четвертый критерий - закрепление правового статуса граждан. Уничтожение сословий и крепостного права, введение единого гражданского состояния и равенства перед законом выводили

проект за пределы административной реформы и приближали его к модели гражданской конституции.

Пятый критерий - наличие идеи охраны основного порядка. Верховный собор, по замыслу Пестеля, должен был выполнять блюстительную функцию. В современной терминологии это можно рассматривать как раннюю форму идеи конституционного надзора или охраны основного закона, хотя, конечно, без институциональной зрелости позднейшего конституционного контроля.

Итак, «Русская правда» является проектом конституции не потому, что она была принята и действовала, а потому, что она проектировала фундаментальные юридические основания будущего государства.

Республиканизм П.И. Пестеля был наиболее радикальным элементом его программы. В отличие от Н.М. Муравьева, который допускал конституционную монархию, Пестель считал монархический принцип несовместимым с будущим правовым и гражданским строем России [7, с. 69–84]. Для П.И. Пестеля самодержавие было не просто неудачной формой правления, а системной причиной политического бесправия, сословного неравенства и крепостной зависимости. Поэтому он не предлагал ограничить монарха Государственной думой или иным представительным учреждением. Его проект предполагал полное устранение монархии и переход к республике. В этом проявляется конституционный разрыв. Проект П.И. Пестеля не продолжал старую государственность в реформированной форме, а учреждал новую. Именно поэтому «Русская правда» ближе не к правительственным планам осторожной модернизации, а к революционным конституциям Нового времени, где основной закон выступает актом переучреждения политической общности. Однако республика по П.И. Пестелю не была либерально-парламентской в современном смысле. Она соединяла народное представительство, сильный государственный центр и временную революционную диктатуру. Поэтому ее следует определять как радикально-республиканскую, унитарную и государственническую модель раннего конституционализма. Одним из наиболее убедительных доказательств конституционной природы «Русской правды» является разработка системы высших органов власти. Пестель предлагал не абстрактную республику, а институционально оформленную конструкцию. Высшая законодательная власть должна была принадлежать Народному вечу. Оно мыслилось как представительный орган, выражающий политическую волю народа и принимающий законы [3]. По своей юридической функции Народное вече являлось парламентом республикан-

ского типа. Исполнительная власть передавалась Державной думе. Она должна была состоять из пяти лиц, избираемых Народным вечем. Такая модель предполагала зависимость исполнительной власти от представительного органа, хотя вопрос о механизмах ответственности исполнительной власти был разработан недостаточно.

Особое место занимал Верховный собор - орган блюстительной власти. Его функция состояла в наблюдении за сохранением основ государственного порядка и законности деятельности высших органов [3]. В юридуко-конституционном плане это крайне важно: Пестель фактически вводил орган охраны основного закона, отличающийся от законодательной и исполнительной власти. Эта схема не совпадает полностью с классическим разделением властей. В ней отсутствует самостоятельное теоретически завершённое описание судебной власти как равной ветви, зато появляется особая блюстительная власть. Такая конструкция отражает влияние революционного конституционализма и одновременно стремление Пестеля предотвратить узурпацию власти внутри будущей республики.

Самым дискуссионным элементом «Русской правды» является идея Временного верховного правления. Пестель полагал, что после свержения самодержавия необходимо создать переходный орган, наделенный чрезвычайными полномочиями для проведения преобразований [1; 3]. С юридической точки зрения это порождает фундаментальное противоречие. Конституция предполагает ограничение власти, а Временное верховное правление концентрирует власть. Конституционный порядок должен быть правовым и процедурным, а переходный механизм Пестеля допускает диктаторские методы ради будущего устройства. Именно поэтому либерально-критическая традиция оценивала проект Пестеля настороженно. В ней подчёркивалось, что путь к свободе через временную диктатуру может породить не правовое государство, а новый централизованный авторитарный режим [5, с. 55–79]. П.И. Пестель видел связь политической конституции с социальной структурой. В отличие от тех реформаторов, которые стремились ограничить верховную власть, не разрушая сословного порядка, Пестель понимал: гражданская конституция невозможна при сохранении крепостного права. Проект предусматривал уничтожение сословий и переход к единому гражданскому состоянию. Это означало юридический разрыв с имперским сословным правом. Подданные, различавшиеся по сословиям, должны были стать гражданами единого государства [3].

В советской историографии этот аспект оценивался как одно из наиболее прогрессивных

положений пестелевского проекта. М.В. Нечкина подчёркивала, что декабристы впервые поставили задачу политического освобождения России в связи с отменой крепостной зависимости [4, с. 217–245]. Н.М. Дружинин также рассматривал социальную программу декабристов в контексте борьбы против феодально-крепостного строя [6, с. 140–173]. С точки зрения современной конституционно-правовой теории данный элемент имеет особую значимость. Конституция не может быть только схемой высших органов власти. Она должна определять статус человека в государстве. У Пестеля именно уничтожение сословий и крепостничества создавало предпосылку для гражданского равенства. В этом смысле «Русская правда», на наш взгляд, является не только политической, но и социальной конституцией будущего государства.

Аграрный вопрос занимал в проекте П.И. Пестеля центральное место. Он предлагал разделить землю на две части: общественную и частную. Общественная земля должна была обеспечивать каждому гражданину минимальные средства существования, а частная земля сохранялась как объект собственности и хозяйственного оборота [3]. Этот проект имел не только экономическое, но и конституционное значение. Пестель понимал, что политическая свобода не может быть устойчивой без материальной независимости граждан. Если гражданин лишен средств к существованию, его свобода превращается в фикцию. Поэтому земельная реформа должна была стать социальной гарантией будущего гражданского строя.

С.М. Файерштейн специально исследовал аграрные положения «Русской правды», связывая их с европейскими социальными идеями и с поиском компромисса между общественным обеспечением и частной собственностью [12, с. 32–70]. В этом подходе подчёркивается, что Пестель стремился одновременно уничтожить крепостную зависимость и предотвратить массовое обезземливание крестьян. Земельная программа демонстрирует, что П.И. Пестель не мыслил конституцию только как политическую форму. Для него новый основной закон должен был опираться на социально-экономическую перестройку общества. Это делает «Русскую правду» особенно масштабным проектом по сравнению с более умеренными конституционными программами начала XIX в.

В «Русской правде» содержались положения, которые по своей природе относятся к сфере основных прав и свобод: равенство перед законом, свобода слова и печати, свобода вероисповедания, свобода занятий, свобода передвижения, неприкосновенность личности и жилища, равный

суд [3]. Эти положения позволяют рассматривать проект как один из первых российских опытов конституционного закрепления гражданского статуса. Если «Кондиции» 1730 г. ограничивали власть монарха преимущественно в интересах аристократии, а «Наказ» Екатерины II формулировал просветительскую законность без политической конституции, то Пестель предлагал создать именно гражданскую общность. Однако каталог прав в «Русской правде» не следует идеализировать. Пестель не был либералом в современном смысле. Его права граждан встроены в сильную государственную конструкцию, где государственное единство и революционная целесообразность могли ограничивать индивидуальную свободу. Особенно это заметно в национальном вопросе и в концепции временной диктатуры. Тем не менее, отметим, что по меркам первой четверти XIX в. положения о гражданском равенстве, уничтожении сословий и свободах имели значительный конституционный потенциал. Они переводили вопрос о правах из сферы сословных привилегий в сферу общего гражданского статуса.

П.И. Пестель отвергал федерализм, поскольку видел в нем угрозу распаду России. В этом отношении его проект принципиально отличался от модели Н.М. Муравьева, допускавшей федеративные элементы [7, с. 93–111]. С одной стороны, унитаризм П.И. Пестеля имел рациональное конституционное основание. Он стремился создать единое правовое пространство, единое гражданство, равные законы и политическую целостность государства. Для страны, только переходящей от сословного и имперского строя к гражданскому, такая унификация могла казаться необходимой. С другой стороны, именно национальная политика является одним из самых проблемных элементов «Русской правды». Пестель фактически подчинял национальное многообразие задаче политической и культурной унификации. В современной научной литературе подчёркивается, что его концепция гражданства и национального устройства сочетала принцип равенства с ассимиляционными и принудительно-интеграционными установками [11, с. 14–19]. Таким образом, «Русская правда» обнаруживает внутреннее противоречие: она провозглашает гражданское равенство, но слабо признаёт ценность культурной и национальной множественности. Это не снимает её конституционного значения, но требует критической оценки как проекта централизованной и унифицирующей республики.

Одно из наиболее значимых положений проекта Н.М. Муравьева – формула о народе как источнике верховной власти. Она имела революционное значение для российского правосознания

начала XIX в. В традиционной самодержавной модели верховная власть мыслилась как принадлежащая монарху по праву престолонаследия, исторической традиции, божественного установления и государственной необходимости. Муравьев разрушал эту конструкцию. Он утверждал, что народ не может быть принадлежностью никакого лица или семейства. Следовательно, монархическая власть не является правом собственности династии на государство. Эта идея сближает проект Н.М. Муравьева с европейским конституционализмом Нового времени. Народный суверенитет здесь не означает республиканизм в пестелевском смысле, но означает, что монархическая власть производна и ограничена.

Н.М. Муравьев предлагал не уничтожение монархии, а ее конституционную переинтерпретацию. Монарх из самодержца превращался в орган государства, связанный основным законом, народным представительством и установленной компетенцией. Именно этот момент позволяет говорить о глубокой протоконституционной природе проекта. Конституционализм начинается там, где власть перестаёт быть личным правом правителя и становится юридически оформленной публичной функцией.

Термин «протоконституционный акт» применим к документам, которые не стали действующими конституциями, но содержат ключевые элементы конституционного регулирования. «Конституция» Н.М. Муравьева в полной мере соответствует этому понятию.

Во-первых, она формулировала принцип народного суверенитета. Во-вторых, она ограничивала монархическую власть. В-третьих, она учреждала представительный законодательный орган. В-четвертых, она проектировала территориальную организацию государства. В-пятых, она закрепляла статус граждан и гражданские права. В-шестых, она предусматривала независимую судебную власть. В-седьмых, она содержала специальную процедуру изменения основного закона. Именно совокупность этих признаков позволяет говорить не просто о политическом проекте Северного общества, а о протоконституционном акте. Более того, по юридической форме проект Н.М. Муравьева ближе к классической конституции, чем «Русская правда» Пестеля, поскольку он меньше связан с идеей временной революционной диктатуры и более последовательно строит систему ограниченной власти.

Оптимальная правовая квалификация может быть сформулирована следующим образом: «Конституция» Н.М. Муравьева - нереализованный проект основного закона конституционно-монархического типа, являющийся одним из наиболее развитых протоконституционных актов дореволюционной России. «Конституция» Н.М. Муравьева является одним из ключевых документов раннего российского конституционализма. Она не была действующей конституцией и не получила юридической силы. Однако по своему предмету, структуре и цели она представляла собой проект основного закона будущего российского государства. Ее значение состоит в том, что в ней была предложена относительно целостная модель перехода от самодержавия к конституционной монархии. Муравьев провозглашал народ источником верховной власти, ограничивал монарха конституцией, создавал двухпалатное Народное вече, вводил гражданство как право участия в управлении, предусматривал отмену крепостного права, проектировал федеративное или областное устройство, отделял судебную власть от администрации и устанавливал специальную процедуру изменения основного закона.

В отличие от П.И. Пестеля, Н.М. Муравьев не стремился к республиканской диктатуре переходного периода. Его проект был умереннее и ближе к европейской модели либерального конституционализма. Но одновременно он был ограничен имущественными цензами, неполной демократизацией политического участия и осторожным решением крестьянского вопроса. Классификация научных подходов показывает, что проект Н.М. Муравьева оценивается неоднозначно: как умеренная дворянская программа, как правовой проект конституционной монархии, как наиболее реалистичная программа декабристов, как текстологически сложный источник и как часть общеевропейской конституционной традиции. Наиболее убедительной представляется позиция, согласно которой «Конституция» Н.М. Муравьева является именно конституционным проектом и протоконституционным актом, предвосхитившим последующие споры о народном представительстве, правах граждан, федерализме, судебной независимости и пределах верховной власти. Она доказывает, что российский конституционализм возник задолго до XX в. и имел не только радикально-республиканскую, но и умеренную либерально-монархическую линию развития.

Таблица 1. Классификация научных подходов к проекту Н.М. Муравьева

Научный подход	Ключевой акцент	Оценка проекта
----------------	-----------------	----------------

Советская социально-историческая школа	Сословная природа и умеренность проекта	Прогрессивный, но ограниченный дворянско-либеральный проект
Либерально-правовая традиция	Ограничение монархии и правовая форма власти	Ближайший к европейскому либеральному конституционализму проект декабристов
Юридикско-конституционный подход	Предмет регулирования основного закона	Полноценный нереализованный конституционный проект
Источниковедческо-текстологическая школа	Редакции, рукописи, эволюция текста	Сложный, незавершенный, но системный источник
Сравнительно-правовая интерпретация	Связь с США, Францией, Испанией и европейскими хартиями	Российская адаптация западного конституционализма
Современная критико-правовая позиция	Цензовость, ограниченность демократии, крестьянский вопрос	Протоконституционный акт с существенными историческими ограничениями

Сопоставление «Русской правды» П.И. Пестеля с «Конституцией» Н.М. Муравьева позволяет точнее понять место пестелевского проекта в истории российского конституционализма. Модель Н.М. Муравьева была умереннее. Она предполагала ограниченную монархию, федеративные начала, разделение властей и постепенный переход к правовому порядку. П.И. Пестель, напротив, отвергал монархию, настаивал на унитарной республике и допускал временную революционную диктатуру [7, с. 112–148]. В результате в декабристской мысли первой четверти XIX в. сложились две линии: либерально-монархическая и радикально-республиканская. Первая была связана с Н.М. Муравьевым, вторая - с П.И. Пестелем. Обе линии являются конституционными, но их политико-правовая философия различна.

Научная литература о «Русской правде» неоднородна. Для целей юридико-исторического анализа можно выделить несколько основных школ и исследовательских позиций.

Первая - советская историко-революционная школа. Ее представители рассматривали «Русскую правду» прежде всего как революционный проект буржуазно-демократического преобразования крепостнической России. М.В. Нечкина видела в П.И. Пестеле одного из наиболее последовательных идеологов декабристского движения и подчеркивала социальную радикальность его программы [4, с. 217–245]. Н.М. Дружинин также оценивал декабристские проекты в связи с антифеодальной направленностью общественного движения [6, с. 140–173]. Сильной стороной этой школы было внимание к отмене крепостного права и сословий; слабой — склонность смягчать авторитарные элементы проекта.

Вторая - либерально-критическая традиция. В ней акцент делается на опасности пестелевского революционного централизма и времен-

ного верховного правления. П.Б. Струве противопоставлял более умеренного Муравьева радикальному Пестелю и усматривал в последнем черты политической диктатуры [5, с. 55–79]. Сильная сторона этой позиции - критика авторитарного потенциала проекта; слабая - возможная недооценка его социально-освободительного содержания.

Третья - юридико-конституционная традиция. В его рамках «Русская правда» рассматривается прежде всего как конституционный проект. А.А. Покровский анализировал конституционные проекты декабристов как формы раннего русского конституционного мышления [7, с. 41–148]. Н.Д. Денисова специально исследовала «Русскую правду» именно как конституционный проект, уделяя внимание гражданству, форме государственного устройства и национальному вопросу [11]. Эта позиция наиболее близка к предмету настоящей статьи.

Четвертая - текстологическая и источниковедческая школа. О.И. Киянская подчеркивала сложность реконструкции политических взглядов Пестеля и необходимость осторожной работы с редакциями текста, следственными материалами и позднейшими публикациями [2, с. 221–256]. Данный подход важен потому, что «Русская правда» не была завершенным и официально утвержденным текстом.

Пятая - сравнительно-правовая школа. Она рассматривает проект Пестеля в контексте европейского конституционализма, идей Просвещения, революционного республиканизма и кризиса абсолютизма. В. Ю. Захаров анализирует российский конституционализм конца XVIII - первой четверти XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе, что позволяет увидеть «Русскую правду» как часть более широкого европейского процесса [10, с. 301–342].

Шестая - современная критико-правовая

традиция, которая признает конституционный характер проекта, но подчёркивает его несоответствие ряду принципов современного конституционализма: политическому плюрализму, правам меньшинств, федерализму, ограничению чрезвычайной власти, культурной автономии. Такой подход позволяет избежать как идеализации П.И. Пестеля, так и его одностороннего отрицания.

Терминология исследователей различается. Советские историки чаще говорили о «конституционном проекте» или «программе» декабристов, не всегда используя термин «протоконституционный акт» [4; 6; 7]. Современные юридические авторы чаще прибегают к категории протоконституционности, поскольку она позволяет обозначить документы, которые не были действующими конституциями, но содержали элементы конституционного регулирования [10; 11; 15].

В отношении «Русской правды» понятие «протоконституционный акт» применимо с оговоркой. С одной стороны, это не акт государства и не вступивший в силу основной закон. С другой — это документ, содержащий модель будущей конституции. Поэтому его протоконституционность заключается не в слабости конституционного содержания, а в отсутствии юридической реализации. По степени разработанности «Русская правда» превосходит многие ранние документы российского конституционализма. «Кондиции» 1730 г. ограничивали монарха, но не создавали целостной модели государства. «Наказ» Екатерины II формулировал просветительскую законность, но не ограничивал самодержавие политически. Проект Сперанского рационализировал монархию, но не разрушал ее. П.И. Пестель же предложил полное учредительное переустройство государства.

Поэтому наиболее корректная квалификация такова: «Русская правда» П.И. Пестеля — незавершенный конституционный проект и одновременно протоконституционный акт революционно-республиканского типа, ориентированный на преобразование Российской империи в унитарную гражданскую республику. «Русская правда» поставила ряд вопросов, которые стали центральными для российского конституционного развития в последующие исторические эпохи. Во-первых, это вопрос о форме правления: ограниченная монархия или республика. Во-вторых, вопрос о народном представительстве и системе высших органов власти. В-третьих, вопрос о гражданском равенстве и преодолении сословного строя. В-четвертых, вопрос об отмене крепостной зависимости как условия политической свободы. В-пятых, вопрос о единстве государства и допустимости федерализма. В-шестых, вопрос о пределах чрезвычайной власти в период перехода к

новому строю. Многие из этих вопросов сохраняли актуальность и в эпоху Великих реформ, и в период 1905–1906 гг., и в революционном процессе 1917 г. Разумеется, прямой юридической преемственности между «Русской правдой» и последующими российскими конституциями не было.

Наиболее убедительной автору настоящей статьи представляется позиция, согласно которой «Русская правда» является именно конституционным проектом, но не завершённой и не действующей конституцией. Она предвосхитила многие вопросы, которые российское право будет решать значительно позднее: форму правления, народное представительство, пределы исполнительной власти, гражданское равенство, отмену сословности, права личности, единство правового пространства и допустимость революционного перехода к новому строю. В этом смысле «Русская правда» П.И. Пестеля — один из главных документов, доказывающих, что российский конституционализм исторически возник задолго до советских конституций и имел не только правительственно-реформаторскую, но и радикально-республиканскую линию развития.

Список литературы:

- [1] Пестель П. И. Русская правда: наказ временному Верховному правлению / предисл. П. Е. Щеголева. СПб.: Культура, 1906. XIV, 245 с.
- [2] Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с.
- [3] Русская правда П. И. Пестеля // Восстание декабристов: документы. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1958. 692 с.
- [4] Нечкина М. В. Декабристы. М.: Наука, 1982. 448 с.
- [5] Струве П. Б. Никита Муравьев и Павел Пестель. Париж: YMCA-Press, 1981. 356 с.
- [6] Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. 398 с.
- [7] Покровский А. А. Конституционные проекты декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 284 с.
- [8] Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1909. 624 с.
- [9] Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности декабристов. М.: Госполитиздат, 1954. 328 с.
- [10] Захаров В. Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII — первой четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа: монография. М.: Прометей, 2017. 394 с.
- [11] Денисова Н. Д. Конституционный проект П. И. Пестеля «Русская правда»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.

[12] Файерштейн С. М. Решение аграрного вопроса в «Русской правде» Пестеля // Очерки из истории движения декабристов / под ред. Н. М. Дружинина. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 32–70.

[13] Сони́на Л. В. Обзор основных положений конституционных проектов П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева // Вестник Томского государственного университета. 2002. № 275. С. 84–91.

[14] Вольф С. П. Проекты государственного устройства П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева: опыт прошлого и настоящего в перспективе будущего // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 12. С. 34–41.

[15] Корецкая Т. П. Становление российского конституционализма // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 31–39.

[16] Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

[17] Томсинов В. А. История русской юриспруденции XVIII–XIX веков. М.: Зерцало-М, 2012. 456 с.

[18] Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии. Киев: Университетская типография, 1886. 496 с.

[19] Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб.: Право, 1911. 529 с.

[20] Градовский А. Д. Начала русского государственного права: в 3 т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1875–1883. 384 с.

[21] Сперанский М. М. План государственного преобразования: Введение к Уложению государственных законов 1809 г. М.: Русская мысль, 1905. 359 с.

[22] Муравьев Н. М. Конституция // Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 313–348.

[23] Декабристы: избранные сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1987.

[24] Федоров В. А. Декабристы и их время. М.: Изд-во МГУ, 1992. 272 с.

References:

[1] Pestel P. I. Russian Truth: Instructions to the Provisional Supreme Government / Preface by P. E. Shchegolev. St. Petersburg: Kultura, 1906. XIV, 245 p.

[2] Kiyanskaya O. I. Pavel Pestel: Officer, Intelligence Officer, Conspirator. Moscow: Paraleli, 2002. 512 p.

[3] Pestel's Russian Truth // The Decembrist Uprising: Documents. Vol. 7. Moscow: Gospolitizdat,

1958. 692 p.

[4] Nechkina M. V. The Decembrists. Moscow: Nauka, 1982. 448 p.

[5] Struve P. B. Nikita Muravyov and Pavel Pestel. Paris: YMCA-Press, 1981. 356 p.

[6] Druzhinin N. M. The Revolutionary Movement in Russia in the 19th Century. Moscow: Nauka, 1985. 398 p.

[7] Pokrovsky A. A. Constitutional Projects of the Decembrists. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. 284 p.

[8] Semevsky V. I. Political and Social Ideas of the Decembrists. St. Petersburg: Printing House of M. M. Stasyulevich, 1909. 624 p.

[9] Trubetskoy S. P. Materials on the Life and Revolutionary Activities of the Decembrists. Moscow: Gospolitizdat, 1954. 328 p.

[10] Zakharov V. Yu. Russian and Foreign Constitutionalism of the Late 18th – First Quarter of the 19th Centuries: An Essay on Comparative Historical Analysis: Monograph. Moscow: Prometheus, 2017. 394 p.

[11] Denisova N. D. Constitutional project of P. I. Pestel "Russian Truth": author's abstract. dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2005. 25 p.

[12] Fayershtein S. M. Resolution of the agrarian question in Pestel's "Russian Truth" // Essays on the history of the Decembrist movement / edited by N. M. Druzhinin. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1954. pp. 32–70.

[13] Sonina L. V. Review of the main provisions of the constitutional projects of P. I. Pestel and N. M. Muravyov // Bulletin of Tomsk State University. 2002. No. 275. pp. 84–91.

[14] Wolf S. P. Projects of State Structure by P. I. Pestel and N. M. Muravyov: Experience of the Past and Present in the Prospects of the Future // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2013. No. 12. pp. 34–41.

[15] Koretskaya T. P. Formation of Russian Constitutionalism // Bulletin of Public and Municipal Administration. 2013. No. 2. pp. 31–39.

[16] Mironenko S. V. Autocracy and Reforms: Political Struggle in Russia at the Beginning of the 19th Century. Moscow: Nauka, 1989. 240 p.

[17] Tomsinov V. A. History of Russian Jurisprudence of the 18th–19th Centuries. Moscow: Zertsalo-M, 2012. 456 p.

[18] Romanovich-Slavatinsky A. V. The System of Russian State Law in Its Historical and Dogmatic Development. Kyiv: University Printing House, 1886. 496 p.

[19] Nolde B. E. Essays on Russian State Law. St. Petersburg: Pravo, 1911. 529 p.

[20] Gradovsky A. D. Principles of Russian State Law: in 3 volumes. St. Petersburg: Printing House of

M. M. Stasyulevich, 1875–1883. 384 p.

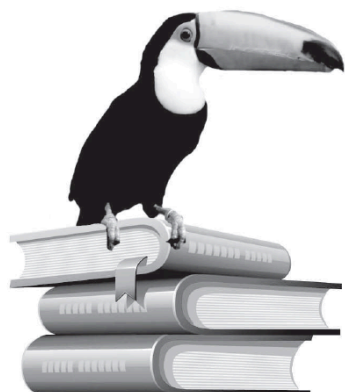
[21] Speransky M. M. Plan for State Transformation: Introduction to the Code of State Laws of 1809. Moscow: Russkaya Mysl, 1905. 359 p.

[22] Muravyov N. M. Constitution // Constitutional Projects in Russia in the 18th – Early 20th Centuries. Moscow: Institute of Russian

History, Russian Academy of Sciences, 2000. pp. 313–348.

[23] The Decembrists: Selected Works: in 2 volumes. Moscow: Pravda, 1987.

[24] Fedorov, V. A. The Decembrists and Their Time. Moscow: Moscow State University Press, 1992. 272 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.